

Бар по-прежнему гудел от шума и суеты. Ма-гэ смотрел на юношу, отрешенно застывшего в углу, и на душе у него было беспокойно.

Просто беда! Если бы он не настоял на том, чтобы отправить Сяо Даня именно в ту кабинку, парень не выглядел бы сейчас так жалко! Эти богатеи — сущие мерзавцы, даже бедного отца-одиночку в покое не оставили!

Вспомнив о маленьком ребенке юноши, Ма-гэ готов был отвесить себе пощечину. Позавчера вечером он своими глазами видел, как какой-то мужчина увез Сяо Даня на роскошном авто, а вернувшись, тот стал вечно подавленным и рассеянным. Если бы он тогда проявил больше бдительности или хотя бы нашел в себе смелость вмешаться...

Под пристальным взглядом мужчины, полным сочувствия и скорби, Чэнь Хэмину становилось все труднее изображать подавленность.

Черт возьми! Да почему он все время смотрит на него так, будто его жестоко использовали, а потом безжалостно выбросили?! Он, между прочим, самый крутой и профессиональный статист во всем Пространстве Главного Бога!

— Ма-гэ, там слишком много гостей, пойду помогу, — сказал Чэнь Хэмин и, не дожидаясь ответа, собрался улизнуть.

— Постой! — Ма-гэ поспешно остановил его. Глядя на то, как парень пытается работать, подавляя внутреннюю печаль, он почувствовал, как сердце сжалось еще сильнее. — Вижу, тебе сегодня нехорошо. Может, сходишь домой, отдохнешь? Не переживай, я оформлю это как больничный, зарплату не вычту.

Помолчав, он все же не удержался и добавил:

— Среди мужчин всякое бывает, никто никого не обделяет, ты просто не принимай близко к сердцу.

Поняв, на что намекает Ма-гэ, Чэнь Хэмин лишь закатил глаза. Господи, ну и фантазия! Это что, он теперь в глазах окружающих — несчастная жертва, потерявшая невинность и сердце?

— Продаться? — Чу Ивань приподнял бровь. Его взгляд скользнул по лицу Чэнь Хэмина, лишенному изысканности, но наделенному мягкой красотой, затем опустился ниже — на стройную талию и длинные прямые ноги, и наконец, задумчиво произнес: — С твоей внешностью, определенно, есть о чем беспокоиться.

Оба не были любителями пустой болтовни, и в машине снова воцарилась тишина. Чэнь Хэмин незаметно потирал запястье, пытаясь избавиться от странного ощущения, когда Чу Ивань вдруг заговорил.

Попытка Ма-гэ преградить им путь была чистым порывом. Но стоило словам сорваться с губ, как он вспомнил, что даже его таинственный босс, которого вечно днем с огнем не сыщешь, при виде этого человека вытягивался во фрунт. По спине Ма-гэ тут же пробежал холодный пот.

— Господин Дань, могу я пригласить вас подняться наверх, чтобы поговорить наедине?

У Чу Ивана кожа была горячей. После того как он всю дорогу сжимал его запястье своей сухой и теплой ладонью, Чэнь Хэмин до сих пор чувствовал остатки этого тепла на коже. Странно как-то.

Но, наблюдая за тем, как Чэнь Хэмина уводят, даже не дав переодеться, Ма-гэ невольно сложил руки на груди и начал беззвучно молиться, надеясь, что завтра Сяо Дань сможет выйти на работу как обычно...

*

Лишь оказавшись в салоне знакомого автомобиля, Чу Ивань наконец выпустил его запястье.

— Нет! У нас приличный бар, мы торгуем лицом и талантом, но не телом!

Чэнь Хэмину от стыда хотелось провалиться сквозь землю. Он с трудом повернул голову и пробормотал:

— Господин Чу...

— Его я забираю. Если есть вопросы — обращайтесь к его боссу.

Не успел Чэнь Хэмин придумать, как отговориться, холодный голос прервал неловкую тишину.

К счастью, тот мужчина, похоже, не счел его слова оскорбительными. Видя, что Чэнь Хэмин вовсе не выглядит угнетенным в обществе этого человека, Ма-гэ немного успокоился.

Да что не так с его внешностью? Обычный человек, заурядная мужская наружность, к тому же робкий и нелюдимый — о чем тут вообще беспокоиться?

Чэнь Хэмин еще не успел ответить, как Чу Ивань сдержанно кивнул Ма-гэ и, взяв юношу за руку, повел его к выходу.

— Когда ты работал, тебя кто-нибудь обижал? — Произнося слово обижал, Чу Ивань понизил голос, словно боясь ранить Чэнь Хэмина.

— Обижал? — Переспросил юноша и внезапно пришел в себя. — Нет, что вы!

Юноша, который тихо сжался в углу, стараясь держаться от Чу Ивана как можно дальше, мгновенно вспыхнул до корней волос. Он беспомощно замахал руками, всем своим видом излучая отчаянное желание развеять недопонимание.

Увидев, что юноша от волнения готов расплакаться, Чу Ивань неожиданно расслабил нахмуренные брови:

— Это я не так выразился. Посетители баров часто напиваются и теряют контроль. Ты — благодетель Нао-Нао, и если кто-то посмеет тебя задеть, это значит — бросить вызов семье Чу. Я обязан буду принять меры. Но теперь вижу, что недооценил тебя. Прошу прощения.

— Нет-нет, — юноша торопливо покачал головой, собираясь сказать, что совсем не это имел в виду, как вдруг до него дошло: — Вы хотите сказать, что Нао-Нао действительно ваш...

Он запнулся на полуслове, не в силах договорить. Чу Ивань спокойно закончил за него:

— Верно. Результаты экспертизы подтвердили: Нао-Нао — сын моего старшего брата, мой маленький племянник.

*

Машина снова остановилась у старого жилого дома. Чу Ивань посмотрел на юношу, который так и не пошевелился, и в его взгляде промелькнула растерянность.

С того момента, как он подтвердил происхождение Нао-Нао, юноша не взглянул на него ни разу. Он забился в себя, как маленькая черепашка, наивно полагая, что если спрятать голову, то внешний мир его не достанет.

Чу Ивань жестом велел ассистенту молчать и терпеливо ждал, пока юноша придет в себя.

Прошло много времени. Юноша устало потер лицо и наконец произнес:

— Я пойду заберу Нао-Нао. А потом... соберу его вещи, и вы сможете его забрать.

Чу Ивань большим пальцем левой руки потирал перепонку между указательным и большим пальцем. Его лицо оставалось невозмутимым, невозможно было понять, доволен он или разгневан.

— Не хочешь оставить его у себя еще на несколько дней?

Юноша горько усмехнулся:

— Я сам-то еле справляюсь, а если он побудет у меня еще немного, расставание станет только больнее. Не стоит мучить ребенка.

— А ты не боишься, что я заберу его и буду с ним плохо обращаться? — снова спросил Чу Ивань.

Юноша явно не ожидал такого вопроса. Он широко открыл глаза и удивленно возразил:

— Как можно? Вы так долго его искали, да и человек вы состоятельный, зачем вам обижать ребенка? К тому же, вы совсем не такой человек. Вы добрый.

Это был провокационный вопрос, но неожиданная похвала — искренняя и прямолинейная — заставила даже такого невозмутимого человека, как Чу Ивань, почувствовать, как горят уши. Он поспешно сменил тему:

— Уже поздно. Давай я помогу тебе забрать Нао-Нао.

В этот раз Чэнь Хэмин не позволил Чу Иваню взять Нао-Нао на руки. Ребенок был очень тревожным, а учитывая, что завтра его придется отдать, юноша не хотел, чтобы малыш снова пережил испуг.

В ту ночь он рассказал ему столько сказок, что голос сел, прежде чем Нао-Нао наконец уснул. И даже во сне мальчик не отпускал его одежду — стоило юноше слегка пошевелиться, как крошечные пальчики сжимались сильнее.

Уложив Нао-Нао в кроватку, юноша посмотрел на мужчину, который все это время тихо ждал в стороне, и осторожно предложил:

— Может, придете за ним завтра утром? Я как раз успею собрать все его вещи.

Кадык юноши нервно дернулся, ресницы опустились, скрывая эмоции.

— Вещи, конечно, недорогие, но он к ним привык. Боюсь, без них ему будет неудобно на новом месте.

Глядя на юношу, с которого словно выкачали всю жизненную силу, Чу Ивань выпалил:

— В этом доме Нао-Нао привык ко всему, но больше всего — к тебе. Не хочешь подумать о том, чтобы поехать вместе с ним?

<http://bllate.org/book/20208/2011027>